

Существует, на наш взгляд, не физиологическая, но психическая предрасположенность определенного типа людей к преступлениям, в частности к наркомании. Об этом свидетельствуют данные интервью, проведенного нами в исправительно-трудовых учреждениях региона в декабре 1998 года. Как правило, причину совершенного преступления респонденты видят только во внешних обстоятельствах и в окружающих, тем самым оправдывая себя. Были названы следующие факторы, толкнувшие их на преступление: случайное стечение обстоятельств — 50%, провокация со стороны потерпевшего — 65%, влияние друзей — 39%. У осужденных наблюдается отрицательное отношение к общественно-полезному труду — 78% из них нигде не работали до совершения преступления. У людей, склонных к наркомании, наблюдается отсутствие критического отношения к себе, слабая усидчивость, отсутствие способности концентрировать внимание на выполнении даже простого задания, легкая внушаемость, зависимость от мнения и поступков других людей.

Очевидно из сказанного, что наркомания — это сложный процесс, вызванный различного рода обстоятельствами — глобальными, социокультурными, индивидуально-психическими. Соответственно, меры по борьбе с ней также должны носить неоднородный, продуманный характер.

Вернемся к теории А. Тойнби, его концепции «Вызова-Ответа». В истории существовало множество цивилизаций — исторических типов культур. Часть из них безвозвратно канула в историю, часть сохранила свою жизнеспособность, потому что смогла ответить на Вызовы, с которыми сталкивалась цивилизация. Сейчас время — ответить на очередной Вызов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лунев В. В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // «СоцИс». 2002. № 5.
2. Попов В. А., Кондратьева О. Ю. Наркотизация в России – шаг до национальной катастрофы // «СоцИс». 1998. № 8.
3. Тойнби А. Постижение истории. М., 1992.
4. Шипунова Т. В. Агрессия и насилие как элементы социокультурной реальности // «СоцИс». 2002. № 5.

*Ирина Валентиновна АНТОНОВА —
заведующая кафедрой экономической
теории и права Тюменской
государственной архитектурно-
строительной академии, кандидат
экономических наук, доцент*

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В последние годы в России происходит усиление внимания к теоретическим исследованиям проблем инновационной деятельности, поскольку без этого невозможно принятие правильных хозяйственных решений для преодоления отставания практически во всех отраслях и производствах, производственное использование достижений науки и техники и на этой основе обеспечение конкурентоспособности

реального сектора экономики, органичное и достойное вхождение российской экономики в мировое хозяйство.

В соответствии с Руководством Осло (1992 г) и последней редакцией Руководства Фраскати (1993 г.) в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) **инновация** определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам [1, с. 30–31]. Инновации есть результат деятельности по обновлению, преобразованию предыдущей деятельности, приводящей к замене одних элементов другими либо к дополнению уже имеющихся новыми. Инновационная деятельность экономических и социальных субъектов, направленная на преодоление инерции сложившегося порядка, позволяет разрешить противоречия, связанные с тем, что в каждой вещи (процессе, явлении, отношении) содержатся объективные тенденции развития (потенции) [2, с. 10–11]. В содержательном плане инновационной деятельностью называется «процесс по стратегическому маркетингу, НИОКР, организационно-технологической подготовке производства, производству и оформлению новшеств, их внедрению (или превращению в инновацию) и распространению в другие сферы (диффузия)» [3, с. 19].

Инновационная деятельность — это не столько определенный вид или сфера деятельности, сколько характер любой деятельности в условиях, когда «конструктивное отношение к инновациям является потребностью каждого гражданина и значимой общественной ценностью» [4, с. 49].

Хотя отличительной чертой инноваций является их экономическая, коммерческая реализация¹, тем не менее, условия, необходимые для развертывания инновационных процессов в экономике, преодоления инновационного застоя, нельзя свести только к экономическим.

Й. Шумпетер, считающийся родоначальником теории нововведений (инноваций), рассматривал их как экономическое и социальное явление, в отличие от изобретения как технологического фактора. Процесс «созидательного разрушения» предполагает приспособление к новым реалиям, сопровождающееся разрушением ценностей, ожиданием новых открытий.

В отечественной литературе с той или иной степенью полноты охарактеризованы в качестве условий развертывания инновационных процессов в российской экономике:

- возрождение производственного и научного потенциалов;
- формирование рынка как конкурентной системы хозяйствования, в которой лидерами являются фирмы как «активные, независимые производственные, организационно-деятельностные субъекты, которые формируют потребности, диверсифицируют производство, активно вовлекают в этот процесс тех, кто может быть полезен, хочет и способен действовать, исследовать, думать» [5, с. 13];

¹ Предприниматель сталкивается, прежде всего, со стимулированием со стороны спроса при принятии решений в области нововведений...» — Оппенлендер К. Технический прогресс: воздействие, оценки, результаты. М.: Экономика, 1981. С.121; «Научно-технические изобретения могут оставаться недейственными, пока не появятся экономические условия для их применения». — Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1994. С. 210; «... инновацию–результат – нужно рассматривать неразрывно с инновационным процессом. Инновации присущи в равной мере все три свойства: научно-техническая новизна, производственная применимость, коммерческая реализуемость. Коммерческий аспект определяет инновацию как экономическую необходимость, осознанную через потребности рынка». — Инновационный менеджмент / Под ред. С. Д. Ильенковой. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 9-10.

- принятие адекватной законодательной и нормативной базы;
- организационные преобразования, в том числе создание различных форм партнерства в инновационной деятельности (технопарков, техноградов, бизнес-инкубаторов);
- формирование современной инфраструктуры поддержки инновационной деятельности;
- информационное обеспечение, доступность его для науки, образования, управления реальным сектором экономики;
- создание инвестиционного климата, стимулирующего инновационно ориентированные инвестиции;
- включение рыночного *социального механизма* инновационных процессов, в котором *субъектами* являются частные предприниматели, государственные агентства и научные учреждения; *основными регулирующими институтами* — рынок, законы, государственная политика, благоприятный инновационный климат; *формой реализации* инновационной деятельности — глобальная диффузия инноваций; *главной трудностью* — дефицит финансовых ресурсов; *главными мотивами инновационного поведения* — экономический прогресс и потребность в самореализации; *результатом* с точки зрения протекания инновационных процессов — «сбалансированное» развитие: распространение под частный спрос с учетом перспективных запросов общества, при этом потребность в общества в инновациях в основном удовлетворена [6].

Несомненно, усиление акцентов на необходимость демонтажа постсоветского социального механизма регулирования инновационных процессов, бесперспективность которого определяется не только распадом и деградацией технологий, но и т. н. клановой, а не рыночной, конкуренцией,¹ — большая подвижка в современной теории инноваций.

Для нас представляется принципиально важным, что появились публикации, в которых непременным условием преодоления инновационного застоя называется **развитие инновационной культуры**, которая «обеспечивает восприимчивость людьми новых идей, их готовность и способность к поддержке и реализации новшеств во всех сферах жизни»²; указывается на необходимость «реинтеграции технического и социального миров... и воссоединения обоих миров: культуры/искусства и естествознания/техники» и на этой основе достижения «более высокой слаженности действий человека, техники и организации» [7, с. 73, 74].

Другие авторы размышляют (и практически работают) над повышением **культуры инновационного предпринимательства**, рассматривая ее «как своеобразное «пятое измерение», (которое) увязывает воедино знания, полученные в вузе, исследова-

¹ Клан — сращенные с государством и криминалом группировки деловых людей, монополюбно контролирующие самые выгодные рынки и не допускающие туда тех, кто мог бы производить продукцию лучшего качества и дешевле. Сформировалась настоящая «клановая структура», включающая множество конкурирующих между собой кланов. Они конкурируют за доступ к государственному бюджету и контроль над крупнейшими предприятиями. [Косалс Л. Я. Указ. соч. Сноска 4 на с. 88].

² Николаев А. И. Инновационное развитие и инновационная культура / Инновации. 2001. № 4-5. С. 83. Данный автор приводит любопытную выдержку из статьи К. Э. Циолковского «Двигатели прогресса», в которой приведена система факторов, стоящих на пути реализации новшеств: инертность, косность, консерватизм (каменные сердца, привычка — вторая натура, истина в том, к чему привыкли)...; недоверие к неизвестным именам, себялюбие, узкий эгоизм, непонимание общечеловеческого и собственного блага; временные убытки, противодействие непривычному со стороны работников, нежелание переучиваться, корпоративные интересы, профессиональная зависть. См. там же, с. 82.

тельские навыки, опыт производства и искусство предпринимательства», как бы накладываясь на традиционные составляющие, «измерения», любой национальной культуры: образование, науку, производство и бизнес [8, с. 87]. Проректор Академии менеджмента и рынка В. П. Ващенко, рассматривающий инновацию как экономическую категорию, связанную, категориями «успех» или «выгода», исходит из следующего определения: «Инновация — это действие или результат действия, в основе которых новое знание (новое использование знаний), воплощенных в новые технологии, ноу-хау, новые комбинации производственных факторов и имеющие своей целью снятие последствий деструктивных процессов или получение новых (или с новыми свойствами, функциями) продуктов, услуг с высоким рыночным потенциалом» [8, с. 87–88]. Далее он делает вывод, с которым мы безусловно согласны, что «инновационная деятельность» — это не вид, и тем более не сфера, а **характер деятельности**. Инновационной сферы как предметной области не существует, так как любая деятельность и в любой сфере — от экономики до образования, искусства и даже политики — может быть инновационной, если в нее привносится новое (знания, технология, приемы, подходы) не новизны ради и не с целью подтверждения возможности практического использования нового, а исключительно для **получения результата, отличающегося высокой востребованностью (социально-общественной, рыночной, оборонной ...)** (выделено нами — И. А.). При таком толковании инновации, когда речь ведется не о коммерциализации, а о востребованности, вопрос об инновационной культуре предпринимательства «вырастает» до вопроса об инновационности культуры.

В свою очередь это требует осмысления роли культуры в социально-экономических изменениях.

Центральной категорией современной социологии является понятие социального действия, деятельности. Отметивший это обстоятельство А. Турен, говоря о культуре, рассматривает ее как систему средств и моделей социально значимого поведения, или деятельности [9]. Важнейшей составляющей каждой культуры является, по мнению А. И. Ракитова, рациональность, которую он определяет как «нормы, стандарты и правила, являющиеся общепринятыми регуляторами поведения и деятельности в данном социуме и выраженные в общезначимом для него языке, одинаково понимаемые и воплощаемые всеми его членами» [10, с. 11]. Фундаментом формирования культуры данный автор считает то, «что характеризует деятельность данного общества и образующих его отдельных социумов со стороны их специфичности, индивидуальности и неповторимости и представляет сублимацию и аккумуляцию индивидуального, нерегулярного в коллективно реализуемых технологиях»¹. «Поскольку культуры представляют собой системы специфических наборов моделей поведения и деятельности и выражающих их образных средств, фиксирующих индивидуальное, неповторимое в жизнедеятельности данных общественных образований, то они со временем приобретают значительную устойчивость, а ядро каждой культуры обладает высоким иммунитетом, сопротивляющимся пролиферации и воздействию других культур... Защитный пояс, окружающий ядро культуры, противодействует слиянию и идентификации различных культур. Сам такой пояс является достаточно пористым, проницаемым, но предохраняет от внешних воздействий ядро культуры. Внешние «инородные» поведенческие аксессуары могут спокойно циркулировать в

¹ Там же, с. 16. На с. 17 автор отмечает, что понятие «культура» фиксирует индивидуальные черты в базисных технологиях, устойчивые правила и модели поведения «коллективно индивидуального», а регулятивы, детерминирующие идентичность производственных, управленческих, военных, образовательных и т. п. технологий, фиксируются в понятии «цивилизация».

защитном поясе, но основные накопители культурных моделей деятельности, поведения — ядра культур — мало подвержены изменениям и часто продуцируют активное противодействие, окрашивающееся религиозным фундаментализмом, националистическим экстремизмом, языковым фанатизмом и т. д.» [10, с. 21–22]; есть культуры, характеризующиеся высокой адаптационной гибкостью, например, японская, и культуры с высоким коэффициентом консерватизма, неадаптивные и мало динамичные, например, российская. Особенное сопротивление пролиферации инновационной технологии и цивилизационных стандартов со стороны устойчивых ядер этнорелигиозных культур наблюдается в странах Латинской Америки и исламского Ближнего Востока.

Ссылаясь на В. О. Ключевского [11, с. 265–268], автор отмечает поверхностный характер проникновения западной культуры в Россию в XVIII и XIX века, когда основная масса населения по всем культурным показателям мало поддавалась инокультурным инновациям и влияниям. П. Н. Милюков показал, что русская культура с самого начала была негативно ориентированной по отношению к ментальной деятельности [12, с. 416]. По мнению А. И. Ракитова, «эта культурная ориентация была частично преодолена в ходе петровских реформ и последующего духовно-культурного развития. И хотя в конце XIX и особенно XX в. Россия стала одной из наиболее «читающих» стран мира, а ее достижения в области образования и развития были очень значительными, негативное отношение к интеллектуальной деятельности в самом ядре ее культуры все же сохранилось... Совершив в 30-е годы XX в. грандиозную культурную революцию, став страной всеобщей грамотности, создав гигантскую сеть средних и высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, она сумела на время стать второй (по крайней мере, в количественном отношении) державой мира и преодолеть достаточно высокий цивилизационный барьер. Но ее «интеллектуальные мускулы» не выдержали нагрузки и гонки, начавшейся в мире в 70-е годы в связи с быстро разворачивающейся информационно-технологической и когнитивной революцией. Антиинтеллектуалистские механизмы, заложенные в ядре культуры, ее общий традиционализм и консерватизм вступили в клинч с требованиями глубоких цивилизационных преобразований, необходимых для мощной научно-технологической супермодернизации страны, являющейся единственным средством ее выхода из тяжелейшего общего социально-экономического кризиса» [10, с. 23–24]. Не впадая в крайность, автор отмечает противоречивость культурных традиций и отношения общества к знаниям в нашей стране: «Наряду с консерватизмом, антиинтеллектуализмом и антиинновационностью, о которых говорилось выше, мы можем констатировать и позитивное отношение. На разных этапах российской истории последних четырех столетий преобладала то одна, то другая тенденция. Иначе нельзя было бы объяснить известные достижения и успехи науки и технологии в России» [10, с. 79].

Сложность «формирования инновационновосприимчивой среды» испытывают и другие страны, в частности, еще в 1995 г. комиссия западноевропейских экспертов оценила состояние инноваций в Европейском Союзе как неудовлетворительное. По мнению этих специалистов, изложенному в специальной «Зеленой книге», традиционная Европа подозрительна, и ее предприятия склонны уходить от риска. С помощью одних инвестиций невозможно преодолеть инновационную стагнацию. Опыт многих стран свидетельствует и о торможении внедрения, казалось бы, самых плодотворных идей, и о неумении перенести чужой опыт на отечественную почву, отделяя «зерна от плевел». Негативный опыт российских реформ дал А. И. Николаеву основания говорить о «проявлении махровой антиинновационной культуры, если термин культура вообще здесь применим» [10, с. 83–84].

Подчеркивая роль **социального самосознания** как мощного культурогенного фактора, без которого ни наука, ни технология, ни экономика, ни социальная сфера не

смогут обеспечить население России личным комфортом, материальным и духовным благополучием, автор отмечает, что «само ядро культуры должно принципиально трансформироваться, а это... возможно лишь при гигантской работе самосознания, включающей критическую переоценку прежних ценностей и конструктивное творческое создание целеориентированных, осмысленных, рациональных моделей поведения и системы ориентирующих общественную деятельность ценностей. Для этого необходимо прежде всего накопить и имплантировать в наше общество огромный объем новых знаний, касающихся всех сторон деятельности человека. Образование, начинающееся с пеленок и не кончающееся никогда, — единственный инструмент, который в современном обществе может создать когнитивную базу для самотрансформации, самоусовершенствования и модернизации такой страны, как Россия... Если знания несовременны, неудовлетворительны по количеству и качеству, подаются в форме, трудной для усвоения, недоступны для большинства членов общества, то создать общество, построенное на знаниях, не удастся. Главное — научиться учиться и производить новые знания — современные, научные и практически полезные. И так как главным производителем таких знаний является наука, то центр тяжести всех общественных усилий должен быть перемещен именно туда. Не размышления об исторических заслугах русских ученых XIX и XX вв., не державные амбиции, а прямая практическая необходимость выхода из системного кризиса и перехода к конструктивному развитию диктует перенос всех усилий государственной политики и стратегии в сферу развития науки и образования, развития общественного самосознания и трансформации культуры». Залогом превращения страны в общество, построенное на знаниях, может быть «только воля нации к выживанию, умноженная на трансформированную модернизированную культуру и научные знания, хорошо усвоенные и примененные в общенациональном масштабе» [13, с. 14–15].

Именно развитие науки в интеграции с высшим образованием является для России стратегическим резервом перевода ее экономики на инновационный путь развития. На это нацелена и федеральная целевая программа «Государственная поддержка высшего образования и фундаментальной науки», проект «Реформа системы образования», федеральная целевая программа «Интеграция науки и высшего образования России на 2002-2006 годы», «Концепция научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации на 2001-2005 годы». Формирование инновационной культуры, инновационного климата в учебном процессе и в научно-технической деятельности должно опираться на развитие творческих способностей детей в раннем и школьном возрасте. Поэтому нужно ставить вопросы не только о возрождении студенческих научно-технических работ, но и о пресечении закрытия творческих кружков, станций юннатов, различных форм дополнительного образования — всех форм, которые решают главную для образования задачу — развитие творческих способностей, привитие вкуса к решению новых задач [13, с. 14–15].

Совершенствование образования предполагает и инновационность самого образовательного процесса, которая включает такие факторы, как образовательные программы, технологии обучения, исполнители (преподаватели, тренеры, тьюторы), поскольку инновационность обучающихся — необходимое условие реализации инновационности программ обучения. Конечная нацеленность программ, реализуемая их исполнителями посредством соответствующих обучающих технологий, должна быть подчинена развитию у обучаемых способностей по-новому взглянуть на уже существующее и сделать из этого новые выводы, умения видеть то, что отклоняется от привычной нормы, умения рисковать, развитое воображение и способность к переносу представлений и образов из одной сферы деятельности в другую и т. п. [8, с. 88]. Имеющийся опыт инновационной деятельности в системе образования (в содержании, методах обучения и воспитания) может стать основой для «формирования у

школьников инновационной толерантности и восприимчивости (выделено нами — И. А.). Особая задача — распознавание инновационно одаренных детей, развитию их активности, умения адаптироваться к возможным сложностям на этом пути. Российская и зарубежная практика работы по развитию креативности в значительной степени могла бы быть здесь полезна» [2, с. 83], в максимально возможной степени освоена в вузовском и последипломном образовании.

Первым российским общественным программным документом, концентрированно отражающим задачи формирования инновационной культуры и пути их решения, является подписанная представителями науки, культуры, образования, деловых кругов в ноябре-декабре 1999 г. «Национальная хартия инновационной культуры». В этой Хартии инновационная культура характеризуется как стратегический ресурс развития страны в новом веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистика науки и инноваций. Краткий терминологический словарь / Под ред. Л. М. Кохберга. М.: Центр исследований и статистики науки, 1996.
2. См.: Кокурин Д. И. Инновационная деятельность. М.: Экзамен, 2001.
3. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент. 2-е изд. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2000.
4. Вишнев К. Е. Коваленко В. В. О проблеме преодоления инновационного застоя в российской экономике // Инновации. 2001. № 4-5,
5. Сазонов Б. Вступ. статья // Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М.: Прогресс, 1990.
6. См., напр.: Косалс Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов: сравнительный анализ советского и постсоветского периодов. Экономическая наука современной России, 2000. № 3-4, С. 85-96.
7. Кортков В. С., Шульгин Д. Б., Устелемов С. В. Уральский филиал Российского государственного университета инновационных технологий и предпринимательства: Готовимся к учебному процессу / Инновации. 2001. № 1-2.
8. Ващенко В. П. Образовательные программы как фактор инновационности в подготовке менеджеров / Инновации. 2000. № 7-8.
9. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
10. Ракитов А. И. Наука, технология, культура в контексте глобальных трансформаций и перспективы устойчивого развития России // Наука, технология, культура (глобальный процесс и проблемы России). М.: РАН ИГИОН, 1999.
11. Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
12. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. Т.2. Ч. 1. М.: Прогресс-культура, 1994.

Галина Валентиновна ТЕЛЕГИНА —
директор Международного
лингвистического центра,
кандидат филологических наук, доцент

ДИСКУРС ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ

Для последнего десятилетия характерен ряд реформ, часто пересекающих границы тех или иных государств и с определенной закономерностью проводимых как в западных странах, так и в странах с развивающейся экономикой в Азии, Африке и Латинской Америке. Реформы эти касаются учебных программ, стандартизации и